

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ПРОЗЫ ВЛАДИМИРА ШАРОВА

*Работа представлена кафедрой новейшей русской литературы.
Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор С. И. Тимина*

Имя писателя Владимира Шарова, считающего себя учеником и последователем творчества Андрея Платонова¹, современная критика соединяет с самыми разнообразными традициями: от Ф. Достоевского и М. Булгакова до Чингиза Айтматова, Александра Лосева, В. Распутина и Л. Бородина. И хотя писатель противопоставляет себя В. Набокову, его соединяют с современным направлением «необарокко», порожденным набоковской эстетикой². Однако сложная структура романов Шарова требует сегодня прежде всего отнестись с пристальным вниманием к текстовой природе его творчества, выявить в ней специфику поэтики и лишь потом определять место писателя среди современных инноваций русской литературы. Эту задачу в кратком изложении мы ставим в предлагаемой статье.

Мотив вещи. Персонажам Шарова свойственно отказываться от своего соци-

ального статуса и вещей, выступающих как его атрибуты. Таковы его герои: Николай и Катя из романа «След в след» (СВС), Сертан из «Репетиций» (Р), Алеша из «До и во время» (ДВВ), Бальменова в романе «Мне ли не пожалеть...» (МЛП), Вера Радостина и Илья Берг из «Старой девочки» (СД)³. С теми или иными вариациями их отказ от «вещного мира» связан с тем, что они покидают семью или другую систему, в которой находились изначально, перестав быть её частью. Затем, по мере того, как герой обретает группу сторонников, он начинает заново окружать себя предметами этого нового мира.

Швейцарский исследователь Ж.-Ф. Жаккар, характеризуя хармсовский «Трактат более или менее по конспекту Эмерсена», обращает внимание на то, что, по Хармсу, «совершенные» подарки ни в какие отношения с другими вещами. Такие предметы

не встраиваются в существующие системы, а формируют новые, значимые сами по себе. По мнению Жаккара, Хармс считает идеальной такую жизнь, которая не проецируется в будущее, а концентрируется в «нулевом» хронотопе: «прав тот, кому Бог подарил жизнь как совершенный подарок»⁴. Такая жизнь не имеет направления: она бессмысленна и принадлежит вечности.

Время. Шаров вводит собственное обоснование природы художественного времени в текст. Это период между католическим и православным Благовещением (Р, с. 18). Еще один такого рода период в текстах писателя - это время смены апостолов (Р, с. 116). Во всех романах Шарова введено особое время «перехода» между былой цикличностью и новой линейностью, другими словами - эпохой предопределенности и управляемым теперь временем.

Герои Шарова часто пребывают в своем замкнутом времени - как, например, жители деревни Мшанники в романе «Репетиции» (Р). Личное время Жермены де Сталь (ДВВ) циклично: она способна возрождать себя в новых воплощениях. Это время не совпадает с линейным хроносом окружающего ее мира, движущегося к «концу времен». То же можно сказать и о Вере Радостиной в «Старой девочке» (СД): перечитывая свой дневник, она физически молодеет.

Роман Шарова «До и во время» (ДВВ) создает возможность свободно интерпретировать слова автора о том, что «революция началась в России почти на двадцать лет позже, чем она должна была». Читателю остаются неизвестными ни год, когда революция должна была произойти, ни год, когда по версии автора она все-таки случилась. Такими же «плавающими» точками отсчета в романе служат исторические события, известные только автору или выдуманные сошедшими с ума персонажами.

Мотив «плавающего» времени, смещения его реальных границ сближает поэтику Шарова с поисками обэриутов. Так, герой повести Хармса «Старуха», по наблюдению М. Ямпольского, живет в линейном

времени. Направленность, необратимость этого времени задаются такими выражениями, как «сейчас только пять часов» или «уже двадцать минут шестого». Его «время, несмотря на смену дневного цикла на ночной, продолжает двигаться вперед как несокрушимая последовательность чисел»⁵. Оно отодвигается все дальше от стартовых «без четверти три», однако «в какой-то момент смешение дня и ночи становится нерелевантным» (Ямпольский, 1998, с. 109). Точные указания на часы и минуты не сообщают читателю ничего о том, сколько прошло времени с момента встречи героя и старухи.

Рассказчик этой повести, по мнению М. Ямпольского, «пространственно совпадает с самим собой, но расслаивается во времени. <...> Он и спит, и проснулся ... Раздвоенность в какое-то время принимает форму самосозерцания через окно» (там же, с. 126). Такой повествователь существует в нескольких временных точках.

Нарратор. У Шарова рассказчик дробится на несколько субъективных повествователей, ни один из которых четко не определен. Главный герой наделяется всезнанием, а повествователь, наоборот, с первых слов романа объявляет себя сумасшедшим. Многие герои имеют двойников: Сталин, Константин Кострюков, Лев Толстой и сын Ирины Федор (СВС), муж Лены Савин и Жермена де Сталь (ДВВ), Эсамов и Мария Федоровна (СД).

Условность в прозе Шарова нагнетается и за счет нагромождения так называемых рамочных повествований. Подобного рода приемы отмечены в трудах современных учёных-литературоведов, где присутствует так называемая категория психологического времени⁶: это «текст в тексте» и такие состояния (сон, сумасшествие, откровение), в которых предстает внутренний мир персонажей.

У Шарова неотъемлемым свойством любого природного объекта выступает *текучесть*, т. е. его способность сливаться со своей противоположностью и/или плавно

переходить в нее. Более того, диалог между героями возможен только при взаимной утрате их исключительности, когда они как бы растворяются друг в друге. Это сближает его художественное пространство со «слитым миром» обэриута Липавского, в котором, по мнению Жаккара, анализирующего «Исследование ужаса», нет разнокачественное™ и, следовательно, времени, «невозможно существовать индивидуальности. Потому что если все одинаково, неизмеримо, то нет отличий, ничего не существует» (Жаккар, 1995, с. 170).

Это слияние противоположностей напрямую отражается в языке, которым изъясняются персонажи Шарова (особенно наделенные властью), и не может не приводить к проблемам взаимопонимания. Общность языка отнюдь не гарантирует такого; зато сходство убеждений, позиций и интересов способствует тому, что отец Ирнарх запросто разговаривает с коровами, а француз Сертан - с жителями сибирской деревни Мшанники.

Память - беспамятство. Пространство прозы Шарова подвержено всеобщей амнезии, с которой герои борются теми или иными способами. Так, герой «Репетиций» Сертан продолжает жить в мифологии деревни Мшанники благодаря тому, что местные крестьяне сохраняют и передают новым поколениям его тексты. У него нередки нарушения коммуникативных норм, вызванные в том числе отсутствием общих элементов в памяти каждого из собеседников. Этот прием восходит к эстетике обэриутов. Жаккар сравнивает пьесу «Елизавета Бам» с «Лысой певицей» Ионеско на том основании, что в первой пьесе общая память теряется (мать Елизаветы забывает свою связь с дочерью), а во второй - восстанавливается (г-н и г-жа Мартен выясняют, что живут вместе и имеют общего ребенка).

Отсутствие общей памяти влечет нарушение правила о неполноте описания. Нормальная коммуникация «требует, чтобы то, что известно лицу, к которому обращаются, не повторялось» (Жаккар, 1995, с. 225).

Однако беспамятство героев Шарова заставляет их рассказывать один сюжет снова и снова, занимаясь бесконечным редактированием своей и чужой истории, все варианты которой оказываются равноправны. Следователь Челноков (Р) считает, что можно «исправить» прошлое, заставив писателей изобразить (а значит, обессмертить) только тех, кто этого достоин. Вера Радостина (СД) хочет создать новый эпос, персонажами которого будут герои новой большевистской мифологии.

Причина - следствие. В текстах Шарова наблюдается ситуация, когда ничтожные причины влекут за собой глобальные итоги. В (СД) улетевшее с подоконника зернышко риса решает продовольственную проблему во всем мире. Герои Шарова сознательно пренебрегают рациональными доводами - они бунтуют против законов природы, стремясь к тому, чтобы детерминизм сменился свободой воли человека. Они вынашивают проект переустройства семейных отношений (СД), готовятся ко второму пришествию Христа (Р), занимаются всеобщим воскресением (ДВВ). Союз хлыстов и скопцов считает, что «по мере отказа русского народа от греха и вступления его на путь спасения весь он будет оскоплен» (МЛП, с. 85).

Это качество поэтики вновь ассоциируется с эстетикой Хармса, у которого, по мнению Жаккара, систематически нарушается причинно-следственная связь. («Пишу Вам в ответ на Ваше письмо, которое Вы собираетесь написать мне»⁷.) В мире индетерминизма, считает учёный, время «не существует... или плохо существует». Отсутствие в театре абсурда связи между причиной и следствием «делает всякое событие равно возможным и, следовательно, более ничто не предсказуемо. В этом причина того, что реакции персонажей обычно неадекватны» (Жаккар, 1995, с. 220-221).

Герои Шарова находятся в ожидании чуда, разновидностью которого выступает второе пришествие или «конец времен». В силу «текучести» желание персонажа пре-

одолеть детерминизм, совершив чудо, оказывается уже predetermined: именно этого он и должен был захотеть. Отказ героев от своего прошлого, разрыв с природой, попытка влиять на ход истории часто приводит к глобальной катастрофе: чудо оборачивается пародией на него. С этим связан мотив конца света, к которому готовятся герои.

По мнению А. Герасимовой, ожидание чуда входит в блок «не-случаев», т. е. автобиографических рассказов Хармса о творчестве. Мотивом этих текстов является ожидание чуда и невозможности его совершить. Наличие этой проблемы подтверждают дневники писателя. «Что бы я ни пожелал, - пишет Хармс 26 июля 1928 г., - как раз этого и не выйдет. Все происходит обратно моим предположениям. Поистине: человек предполагает, а Бог располагает»⁸. Только в «Старухе», считает А. Герасимова, писатель преодолевает эту проблему. «Чудо не надо творить - оно приходит само. Но какое это чудо? <...> Страшная пародия на христианское чудо, на евангельское чудо воскресения»⁹.

Воскресением озабочены многие персонажи Шарова, особенно последователи «общего дела» Н. Федорова. Другие герои стремятся к бессмертию, презирая земную оболочку; во время хлыстовских радений некоторым из них кажется, что они невесома. Подобный мотив «борьбы с тяготением», восходящий к традиции авангарда, Жаккар находит в стихотворении Хармса «Звонитьлететь». К этой же традиции принадлежат футуристы, которые, по мнению Жаккара, обращались в своей программ-

ной статье к «Философии общего дела», вышедшей в 1906-1913 гг. (см.: Жаккар, 1995, с. 341-342).

У Шарова возможность чуда (переустройства мира небольшой группой людей) напрямую связана с сакральным текстом. Таким текстом являются записки Сертана (Р), синодик Алеши и скрябинская «Мистерия» (ДВВ), планируемый Третий завет (МЛП), дневник Веры Радостиной (СД), «Пятьдесят восьмая статья» (роман «Воскрешение Лазаря»). Такой мир детерминирован развертыванием дискурса, что сближает его с художественной системой обэриутов, у которых, по мнению М. Ямпольского, «структура прерывающегося времени ... впрямую соотнесена с неосуществляющимся рассказом, с блокировкой дискурса. Речь не может разворачиваться, время теряет плавность - все это явления одного порядка» (Ямпольский, 1998, с. 119).

Романы Шарова, с их множеством видов времени, характерны смешением дискурсов (в частности научного, религиозного и политического). Вследствие неразличения знания, мнения и веры точка зрения рассказчика на события может находиться где угодно, смещаясь даже в пределах одного предложения. Поэтому проза Шарова являет собой смешение стихов и прозы, стилей речи и жанров, среди которых находят свое место исторический роман, воспоминание, путевой дневник, газетная статья, донос и мениппея. Инновационный характер поисков писателя, очевидный на фоне русской литературы конца XX столетия, заслуживает самого серьезного внимания и прочтения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Я не чувствую себя ни учителем, ни пророком...» Беседа ведет Ната Игрунова // Дружба народов. 2004. № 8. С. 191-198.

² Липовецкий М. Концептуализм и необарокко: бимодальная структура русского постмодернизма // Экслибрис НГ. Книжное обозрение. 07.09.2000.

³ Здесь и в дальнейшем все цитаты приводятся по следующим изданиям: Шаров В. До и во время. Роман. М.: Издательство «Наш дом - L'age d'Homme», 1995; Шаров В. След в след. Роман. М.: Издательство «L'age d'Homme - Наш Дом», 1996; Шаров В. Репетиции. «Мне ли не пожалеть...».

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Романы. М.: Издательство «Наш дом - L'age d'Homme», 1997; Шаров В. Старая девочка. Роман. М.: Издательство «Наш дом - L'age d'Homme», 2000.

⁴ Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда /Пер. с фр. Ф. А. Перовской. СПб.: Академический проект, 1995. С. 153.

⁵ Ямпольский М. Беспмятство как исток (Читая Хармса). М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 108.

⁶ См.: Фарино Е. Введение в литературоведение. Warszawa, 1991.

⁷ Из рассказа «Связь», адресованного Якову Друскину (Хармс Д. Связь. С. 123 и 500).

⁸ Кобринский А. А. Я. участвую в сумрачной жизни // Д. Хармс. Горло бредит бритвою. Случаи, рассказы, дневниковые записи. Глагол. 1991. № 4. С. 86.

⁹ Герасимова А. С. Даниил Хармс как сочинитель (проблема чуда) // НЛО. 1995. № 16. С. 129—139. С. 137.